

Американские теоретики о доктринах применения военной силы США

Ахмед Айдамиров

США наращивают военную мощь

Несмотря на окончание холодной войны и продолжающийся рост взаимозависимости и глобализации, мир становится более сложным и жестким. Идет процесс ломки принципов суверенитета и территориальной целостности государств, как это было в Югославии (1999 г.) и Ираке (2003 г.). Политика многих стран нацелена на конкуренцию и соперничество. Не ограничиваясь военно-политической областью, конкуренция и соперничество все больше приобретают геоэкономическое и геостратегическое измерение.

В этом глобальном контексте значимость военной силы в международных отношениях не уменьшается. Более того, при ведущей роли США продолжается гонка вооружений, которая не может не вести к «дилемме безопасности», но только на более высоком и

опасном уровне. По-прежнему военная сила остается очень важным фактором, которым не пренебрегает ни один из крупных и влиятельных участников международных отношений.

Заметна мощь Пакс Британики и военной силы имперского Рима периода его расцвета, когда армия Рима на пике имперского влияния при императоре Траяне (начало второго столетия нашей эры) имела численность 400 тыс. воинов. Пик численности имперской армии викторианской Британии – 356 тыс. солдат (вместе с индийскими сипаями) в 1897 г. Все это не сравнится с ударной мощью вооруженных сил современных США.

Вашингтон контролирует гораздо более обширные пространства – он размещает 100 тыс. своих солдат в Европе, 37 тыс. в Южной Корее, 25 тыс. в Персидском за-

---

АЙДАМИРОВ Ахмед Мусаевич – специальный представитель президента Чеченской Республики в Москве, министр Чеченской Республики. E-mail: Ahmed2865@mail.ru

Ключевые слова: доктрина, применение силы, холодная война, дилемма безопасности, военная база, сдерживание.

ливе, 20 тыс. в Японии, по несколько тысяч на Балканах, в Центральной Азии, десятки тысяч в Афганистане, Ираке, отдельные контингенты в Закавказье и на Филиппинах, в Латинской Америке.

На протяжении последних 60 лет Америка расходовала на военные нужды от 5 до 14% своего огромного валового национального продукта. США создали триаду стратегических ударных сил, самый большой в мире военно-морской флот, превосходную авиацию и мощные сухопутные силы, размещенные в более чем 40 странах на всех континентах.

Окончание холодной войны и разговоры о «мирном дивиденде» не ослабили этого основания.

Как отмечает профессор Бостонского университета Э.Басевич, «для американских мужчин и женщин в военной униформе двадцать лет, которые прошли со времени падения Берлинской стены, были временем интенсивной вовлеченности».

Вашингтон продолжает расходовать пропорционально столько же средств на военные нужды, сколько он расходовал в 1980 г. — на пике холодной войны. А в последние годы увеличил военные расходы на 17% и довел их до более чем 450 млрд. долл.

В 2008 фин. году Соединенные Штаты израсходовали на военные нужды больше, чем 20 следующих за ними по значимости держав.

Из общего объема мировых военных расходов примерно в 1 трлн. долл. на долю США приходятся почти 40%, пишет влиятельный лондонский журнал «Экономист»¹.

Но более чем количество, важно в данном случае качество американского оружия.

На фоне сокращения военных расходов другими странами, военные усилия США видны особенно рельефно. Обоснование весьма просто: «Сильный имеет гораздо больше способов справиться с противниками, чем слабый,

при этом сильный независим. Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае с Ираком и на Балканах», отмечает военный теоретик К.Вальц².

Сформировались силовые возможности глобального масштаба многочисленных и квалифицированных вооруженных сил на основе широких и мощных союзов, разветвленной разведывательной сети, эффективной индустрии производства вооружений и воли использовать свои силовые возможности.

Американская военная промышленность, поддерживавшаяся десятилетиями щедрых военных бюджетов, безусловно, превосходит любые страны, стремящиеся сохранить свое военное производство, по способности быстро мобилизовать, привести в боевую готовность и переместить на огромные пространства значительные воинские контингенты. На военные исследования и разработки США расходуют в три раза больше средств, чем шесть следующих за ними в военной иерархии стран. На военные исследования Пентагон расходует больше, чем Великобритания и Германия на все свои военные нужды³.

На любом историческом фоне Соединенные Штаты выглядят самым впечатляющим образом.

Они вырвались вперед в сфере ядерных вооружений. Никто в мире не может сравниться с военно-воздушными силами Америки. Только эта страна имеет флот на всех четырех океанах. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе, флот 12 тяжелых авианосцев и силы быстрого развертывания.

Соединенные Штаты, безусловно, лидируют в использовании коммуникационной и информационной техноло-

гии для оснащения своих вооруженных сил. Революция в военной технологии дала Соединенным Штатам несравненную военную мощь, основанную на спутниковом и прочем слежении за миром, новом поколении средств достав-

ки, точечном использовании ударной силы. Технологии СЗ (информационные системы поддержания командования, контроль, коммуникации, разведка) держат безусловное первенство в мире.

«США обязаны... расширить свои силы»

Администрация США проведует национальную военную стратегию, содержащую три компонента: «Сформировать международное окружение... Дать ответ на весь спектр кризисов... Приготовить страну к неведомому будущему».

Забота о военной мощи после некоторой паузы снова вышла на первое место американской политики.

И перспективы буквально заворачивают американских военных и политиков: в XXI в. «Соединенные Штаты, учитывая их человеческие и естественные ресурсы, их мощь и размеры, будут играть доминирующую дипломатическую и военную роль в мировых делах, хотя это может породить недовольство и сопротивление многих стран и внутринациональных групп населения. Это недовольство может повести к противодействию, влекущему насилие...

Соединенные Штаты обязаны крепить и расширять свои силы, где и когда это возможно...

Все рекомендации на будущее основываются на продолжении американского вовлечения в дела других наций, на том, что американская мощь будет решающим фактором в мировом прогрессе в течение следующей четверти века»⁴.

Любая степень реализма требует признания основных фактов: в начале XXI в. Соединенные Штаты владеют крупными военными базами и большим числом мелких баз в 45 иностранных государствах.

Соединенные Штаты владеют примерно 700 военными базами за пределами своих

границ (438 – в Канаде и Европе, 186 – в Юго-Восточной Азии и Тихом океане, 14 – в Латинской Америке, 7 – на Ближнем Востоке и в Африке, 1 – в Южной Азии, 3 – в Центральной Азии).

Английский журнал «Экономист» пишет: «Америка располагает 725 военными установками за пределами своей территории, из которых 17 являются полномасштабными базами, где из общего числа 1,4 млн. 250 тыс. военнослужащих расположены на заморских базах»⁵.

За последние годы произошло качественное изменение военной силы, трансформировались формы и способы ее применения. Особенно изменились условия применения.

Во-первых, произошел сдвиг на геополитической карте мира, в мировом порядке и отношениях между государствами. В современных условиях природа безопасности и природа угроз настолько трансформировалась, что традиционный или «жесткий» подход к безопасности стал считаться недостаточно эффективным.

В теории и практике безопасности появились новые понятия, которые либо не играли существенной роли, либо вообще отсутствовали ранее. Они получили свое выражение в виде терроризма и экстремизма, национальной, религиозной и сепаратистской вражды. Глобализация и информационная революция усилили негативный фон, на котором эти тенденции получили свое развитие.

Относительная предсказуемость и определенность в эволюции международных отношений и тенденций в об-

ласти безопасности сменились большей непредсказуемостью и неопределенностью.

Во-вторых, после распада Советского Союза в международной системе образовался силовой вакуум, в результате чего США оказались в таком международном окружении, где им нет равного глобального соперника. В этих условиях цели глобальной стратегии США заключаются в формировании выгодного для себя международного окружения, включая силовую смену политических режимов в других странах, если это считается необходимым, и обеспечение собственного доминирования в мире.

Особенностью применения военной силы США является то, что она направлена не только на непосредственное обеспечение безопасности США и

их союзников, но и на достижение указанных выше целей.

Руководство США рассматривает военную силу как один из важнейших инструментов решения внешнеполитических задач. При этом она не является экстраординарной опцией или крайней мерой в спектре возможных акций. Военная сила стала широко применяемым средством наряду с политико-дипломатическими действиями.

Решение на использование военной силы принимается исходя из собственного понимания американских национальных интересов и уместности ее применения.

Отсутствие резолюции ООН как в случае бомбардировки Югославии (1999 г.) или при свержении режима С.Хусейна в Ираке (2003 г.) не может служить препятствием.

Применят ли США свои вооруженные силы?

Применят ли США свои вооруженные силы? Какие концепции будут лежать в основе их применения?

Научно обоснованные ответы на эти вопросы имеют большое значение для национальной безопасности России, для политического руководства страны. Правильное понимание общих и конкретных принципов по применению военной силы, концепций и доктрин способствует корректной оценке событий и объективному анализу конкретных действий, предпринимаемых американским правительством в современных условиях. Также знание концептуальных основ применения военной силы США помогает сформировать адекватную российскую внешнюю и оборонную политику.

Сдерживание является ключевой стратегией, занимающей особое место в спектре американских концепций. По сути, она является сердцевинной американской внешней и военной политики,

прошедшей эволюцию от стратегии обеспечения национальной безопасности до режима по управлению глобальной безопасностью.

Из-за изменений в спектре угроз национальной безопасности США и принятием новой глобальной стратегии, в американской военно-политической мысли обнаружилось несколько альтернативных точек зрения на адекватность стратегии сдерживания: сохранить данную стратегию неизменной, отказаться от нее как неадекватной или модернизировать.

Отправная точка развития официального подхода заключается в том, что США, по мнению американского руководства, имеют множество противников с неопределенными мотивами и новые источники конфликтов. Исходя из этого, одной из главных целей стратегии сдерживания США становится не только предотвращение нежелательных действий противников, но и

сдерживание их от принятия неблагоприятных для США решений, а также от создания нового более опасного вооружения.

Традиционно для объяснения причинно-следственной связи в международных отношениях, внешней политике и военной стратегии политологи и эксперты использовали две парадигмы: рациональную и иррациональную при доминировании рациональной.

В настоящее время иррациональная парадигма приобретает все большее значение в исследованиях в связи с тем, что рационализм не дает исчерпывающего ответа на ряд вопросов, в том числе и связанных с применением военной силы. Поэтому можно утверждать, что особенности как внешней, так и оборонной политики США необходимо рассматривать через призму американских культурных особенностей. Назрела необходимо изучить переход к «культурно-ориентированным методам ведения войны» в американской стратегии.

В современных условиях одна из особенностей места и роли военной силы заключается в том, что она направлена не только на уничтожение противника, но и на формирование вы-

годного для США поведения как противников, так и союзников и колеблющихся государств. Этот подход полностью соответствует новой концепции «трансформационной дипломатии», предложенной экс-государственным секретарем К. Райс, что указывает на то, что военная сила является важным средством в американской внешней политике.

Руководство США видит задачу данного момента в том, чтобы, используя огромное преимущество в военной силе, определить, каково должно быть оптимальное соотношение между существующими и новыми концепциями по применению военной силы и системами для противостояния имеющимся угрозам и вызовам, а в конечном итоге для обеспечения военно-политического господства США. Это позволило бы использовать военную силу как важнейший инструмент обеспечения доминирования страны в мире. На это направлен целый спектр американских военно-политических концепций и программ по применению военной силы, таких как теория стратегического паралича, превентивная оборона, трансформация вооруженных сил США и революция в военном деле.

Академическое сообщество США о применении силы

После окончания холодной войны в академическом сообществе появился ряд концептуальных работ, характеризующих современные тенденции в международных отношениях, объясняющих природу и причины новых противоречий, ведущих к повышению конфликтности и противостояния в области международной безопасности.

В них авторы предложили свое видение и свои концепции дальнейшего развития международных отношений и той роли, которую США должны играть в мире. Также в этих работах делались определенные выводы и давались практические рекомен-

дации для американских политиков и стратегов.

Политолог **Ф.Фукуяма** заявил, что после окончания «холодной войны», в которой победил Запад, наступил «конец истории»⁶, то есть мировой порядок будет базироваться на западной модели демократии во главе с США. По его мнению, это ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Исходя из этого, Фукуяма полагает, что перед Западом

встает миссия распространения демократии, локомотивом которой и должны выступить США. В рамках доктрин Клинтона, Буша и Обамы расширение демократии стало важной частью американской глобальной стратегии. Фактор расширения демократии использовался как фасад, за которым преследовались геополитические, геостратегические и экономические интересы США.

В своей работе **Р.Каплан** дал пессимистичную картину «грядущей анархии» в международных отношениях, в основе которой лежат противоречия между двумя системами: процветающим развитым миром Запада и погрязшим в коррупции, неэффективности и дезинтеграции другом мире, который автор называет «край земли».

К нему относятся такие регионы как Западная Африка, Кавказ, Центральная Азия, часть Юго-Восточной Азии. В этих регионах происходят, и будут происходить самые трудноразрешимые социальные, политические конфликты и экологические бедствия. Там же будут выигрываться или проигрываться самые важные сражения.

По мнению Каплана, одна часть мира идет в одном направлении, а другая – в противоположном. Этот процесс ведет к слому международной системы. В этих условиях Каплан считает, что США не могут повернуться к изоляционизму в своей политике, так как только они, а не международные организации могут помочь разрешить эти сложные проблемы.

Такая депрессивная перспектива ставит перед США задачу взять на себя роль глобального лидера и повести за собой остальные страны. Автор явно недооценивает роль международных организаций и необходимость совместных усилий всех государств в условиях глобализации. При всех своих

огромных возможностях США не в состоянии заменить собой международное сообщество.

Развивая концепцию Каплана, политолог **Т.Барнет** выступил со своей концепцией. В ней он разделит мир на две сталкивающиеся части: «Ядро», куда входят в первую очередь США и их союзники, а также другие страны, активно вовлеченные в процесс глобализации, и «Провал», состоящий из стран-изгоев и «несостоявшихся» государств, и других государств далеких от глобализации.

В соответствии с этой точкой зрения США должны взять на себя главенствующую роль «по сокращению провала», то есть, по сути, перестраивать мир по своей модели. Автор полагает, что длительное участие в военных операциях США сможет ликвидировать или минимизировать стратегически опасное для них пространство. Тем самым все последующие действия США с применением военной силы получают своеобразную «индальгенцию».

В конечном итоге Барнет призывает не к отказу от глобальной военно-силовой стратегии, а к ее модернизации в новых условиях.

В своей книге политологи **Элвин** и **Хейди Тоффлеры** разделили мир на три слоя, вступивших в экономическое соперничество друг с другом. Разница между ними заключается в их возможностях перерабатывать и использовать информацию.

Авторы утверждают, что война во Вьетнаме была войной индустриального периода, когда способы ведения войны зависели от массового производства и массового разрушения типичного для индустриального периода. В то время как современные войны – это войны иного информационного века.

Книга явилась своеобразным гимном передовой американской военно-политической элите, которая сумела отойти от шока поражения во Вьетнаме и подошла к XXI в. с новейшим «умным» вооружением. Преимущества этого оружия были продемонстрированы в операции «Буря в пустыне» (1991 г.) и в дальнейшем развитии американских военных программ.

Возвеличивая достижения научно-технической революции, авторы упустили из вида тот факт, что эти достижения являются также результатом деятельности социальных сил, которые обладают определенной культурой, менталитетом и национальными особенностями. А война по-прежнему остается социальным явлением. Ее нельзя изучать отдельно от человеческого фактора.

С.Хантингтон предложил весьма спорную гипотезу «столкновения цивилизаций», в которой проблемы безопасности связывались с противоречиями в культурно-цивилизационной области.

В качестве практической рекомендации Хантингтон предлагает при ведущей роли США трансформировать НАТО из военно-политического союза коллективной обороны в союз западной цивилизации по защите ее идентичности от других враждебных Западу цивилизаций. Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на растущую роль цивилизационной составляющей в международных отношениях, цивилизации не в состоянии заменить государства. Государства есть и будут как объектом, так и субъектом сдерживания или применения силы.

Политолог-неореалист **К.Лейн** в своем труде указывает на парадоксальный факт, что подавляющее господство США над всеми странами мира в

экономической и военно-политической области обеспечило стране не больше, а наоборот меньше безопасности.

С точки зрения Лейна, США должны проводить стратегию «оффшорного балансирования», то есть отойдя от глобального доминирования. США должны вмешиваться в региональный баланс сил только в том случае, если он нарушается не в пользу американских интересов. Идеи Лейна достаточно рациональны, так как политолог призывает руководство США проводить более сдержанную политику.

Несмотря на то, что все приведенные выше работы изучали конфликтогенный потенциал современных международных отношений с разных подходов, все они ставили во главу угла США и рассматривали международные отношения через их интересы. Объективно, какая бы теория или стратегия не реализовывалась на практике руководством США, одним из важнейших инструментов выступает военная сила.

После окончания холодной войны вышло несколько важных фундаментальных работ в рамках рациональной и иррациональной парадигм.

Концептуальные аспекты стратегии сдерживания на современном этапе рассматривались политологом **П.Морганом**. В своей работе он делает вывод, что, несмотря на окончание холодной войны, значимость сдерживания в политике и военной стратегии не уменьшается. Сегодня, согласно П.Моргану, оно выходит за традиционные рамки того, чтобы вынудить другого вести себя так, как задумано.

Автор выдвигает весьма спорный тезис о том, что сдерживание является предпосылкой для сотрудничества с противниками или потенциальными противниками. Постепенно оно трансформируется в своеобразный механизм

кооперативной безопасности по управлению над глобальной международной системой.

К.Пейн⁷ изучил некоторые аспекты применения классического сдерживания после окончания холодной войны. Указывая на тот факт, что сдерживание это психологический процесс, он проанализировал когнитивные факторы в стратегии сдерживания. К.Пейн подчеркивает, что сдерживание может быть эффективным только в том случае, если его реализация опирается на знание культуры и психологии сдерживаемого.

Автор предполагает, что в настоящее время региональные державы могут прибегнуть к стратегии сдерживания США, чтобы помешать им проецировать свою силу в их регионах.

А.Джонстон⁸ написал работу в рамках иррациональной парадигмы. В своем исследовании он проанализировал определение и общетеоретические положения стратегической культуры. Также автор рассмотрел некоторые проблемы методологии как объекты анализа, методы анализа и эмпирический анализ.

В качестве примера он выбрал стратегическую культуру Китая. А.Джонстон утверждает, что стратегический выбор государства зависит в значительной степени не от распределения силы в международной системе или особенностей структуры, а от предпочтений, основывающихся на культуре и истории государства.

Существует достаточно обширная зарубежная литература, концептуально основывающаяся на рациональном и иррациональном подходах, которая изучает теорию и стратегию сдерживания, а также теорию стратегической культуры.

Заметный вклад в рациональный подход, а также в теорию и стратегию сдерживания внесли такие ученые как А.Джордж, П.Морган, Г.Моргентау,

Р.Смоук, Дж.Снайдер, К.Пейн, С.Уолтц, Т.Шеллинг и другие.

Что касается иррационального подхода, в рамках теории стратегической культуры, то эту теорию разрабатывали и развивали такие ученые, как К.Грей, М.Деш, А.Джонстон, Дж.Лентис, Дж.Снайдер и другие⁹. Первые разработки в рамках иррациональной парадигмы появились еще в разгар холодной войны.

Важные исследования американского экспертного сообщества по применению военной силы разработаны политологами, работающими во влиятельных «мозговых центрах», таких как РЭНД Корпорейшн, институт Эспен, Херитидж Фаундейшн, Брукингский институт, Институт Гувера и другие. Эти материалы позволили определить некоторые мотивы и вскрыть причинно-следственные связи в особенностях применения военной силы, а также дать оценку месту и роли военной силы США.

В спектре различных концепций на применение военной силы в современных условиях особое место занимает одна из наиболее целостных альтернативных концепций «превентивной обороны», разработанная **Э.Каргером** и **У.Перри**¹⁰.

Авторы считают, что проводимая оборонная политика США излишне акцентирована на военно-силовую составляющую. Они предлагают выйти за рамки традиционного сдерживания, а вместо этого проводить политику, которая не позволит опасностям перерасти в главные угрозы. С их точки зрения превентивная оборона включает все инструменты внешней политики как политические, так военные и экономические. Не отрицая возможности применения военной силы в превентивном плане, авторы не дают правовой оценки ее применения в рамках предлагаемой концепции.

Важность изучения как гражданских, так и военных экспертных оценок объясняется тем фактом, что они служат отправной точкой, концептуальной основой для оценки конкретной ситуации исполнительной властью, а также оказывают определенное влияние на последующее принятие решения руководством страны.

Сдерживание является ключевой стратегией, занимающей особое место в спектре американских концепций. Классическая концепция сдерживания не в полной мере учитывает различный характер современных угроз, а американские стратеги преувеличивают универсальную возможность ее эффективной реализации.

Стратегия сдерживания должна быть приспособлена к поведенческим характеристикам потенциального противника или к учету его стратегической индивидуальности. С распадом СССР снизилась по сравнению с периодом холодной войны значимость классического глобального ядерного сдерживания. Предполагается, что стратегия сдерживания не может продолжать фокусироваться только на каком-либо одном или двух противниках, а должна быть нацелена на более многочисленных и разных по степени опасности угроз США, то есть стратегия сдерживания трансформируется и становится все более многоаспектной и регионально ориентированной.

Подводя общие итоги исследования, можно делать следующие выводы:

1. Военная сила остается неотъемлемым инструментом внешней политики США и одним из основных средств достижения американских внешнеполитических целей.

2. Стратегия сдерживания, претерпев определенную эволюцию, остается важной военно-политической концепцией, направленной на достижение американских национальных интересов.

3. На особенности применения военной силы вообще и реализации стратегии сдерживания в частности, большое влияние оказывает стратегическая культура. Фактор культуры создает тот локальный контекст, в котором внешнеполитическая и военная стратегия находят свое воплощение.

4. Применяя военную силу, США все дальше будут отходить от тех международных организаций, где их влияние ограничено, подрывая тем самым основы международного права. Стремление же правительства США к односторонним действиям и безусловному глобальному доминированию опасно, так как ведет к дестабилизации международной ситуации, а американская военная сила в руках политиков из инструмента решения проблем становится инструментом по их созданию.

Несмотря на присуждение Бараку Обаме Нобелевской премии мира, Америка остается самой воюющей страной в связи с решением президента США отправить в Афганистан еще 30 тыс. американских военнослужащих. Применению военной силы США, таким образом, не видно конца.

Примечания

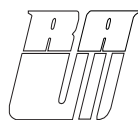
¹ The Economist. 2009. July 15.

² The National Interest. Globalization and American Power. 2007. Sept.

³ The Defence Weekly. 2009. April 12.

⁴ Corbin M., Hellman Ch. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century Security Strategy. Washington, 2001. P. 17–19.

- ⁵ The Economist. 2002. June 29. P. 8. (A Survey of America's World Role).
- ⁶ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.
- ⁷ Payne K. The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction. The University Press of Kentucky, 2001.
- ⁸ Johnston A. Cultural Realism. Princeton University Press, 1998.
- ⁹ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters. 1984. Winter; Johnston A. Cultural Realism. Princeton University Press, 1998; Lantis J. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Insights. Naval Postgraduate School. CA. Vol. IV. Issue 10. October 2005; Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica, Calif. Rand Corporation. R-2154-AF, 1977; Desch M. Culture Clash // International Security. Vol. 23. № 1. 1998. Summer.
- ¹⁰ Картер Э., Перри У. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. М.: Наука, 2003.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.